

ДЖЕЙМС ХОЛЛИС

ПЕРЕВАЛ В СЕРЕДИНЕ
ПУТИ. КАК
ПРЕОДОЛЕТЬ КРИЗИС
СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА И
НАЙТИ НОВЫЙ СМЫСЛ
ЖИЗНИ

Юнгианская психология

Джеймс Холлис

**Перевал в середине пути.
Как преодолеть кризис
среднего возраста и найти
новый смысл жизни**

«Когито-Центр»

1993

Холлис Д.

Перевал в середине пути. Как преодолеть кризис среднего возраста и найти новый смысл жизни / Д. Холлис — «Когито-Центр», 1993 — (Юнгианская психология)

Автор книги утверждает, что каждый человек проходит через некий «Перевал», олицетворяющий переход от «первой взрослости» подросткового периода к неизбежной встрече со старостью и смертью. Основная и общая задача психотерапии в этот тяжелый для человека период переоценки и переосмысления жизни – помочь сохранить ощущение того, что в его жизни является главным, и показать, что при переходе через этот «перевал» в среднем возрасте появляется уникальная возможность снова почувствовать свою значимость, более сознательно совершить свой выбор и сделать гораздо более интересной и захватывающей свою жизнь. Книга будет интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

© Холлис Д., 1993

© Когито-Центр, 1993

Содержание

Предисловие автора к российскому изданию	6
Предисловие	8
Глава 1	10
Глава 2	16
Тектоническое давление и сейсмические толчки	18
Новый тип мышления	21
Изменения в идентичности	23
Устранение проекций	27
Изменения в ощущении собственного тела и в переживании времени	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Джеймс Холлис
Перевал в середине пути. Как
преодолеть кризис среднего возраста
и найти новый смысл жизни

James Hollis

The Middle Passage
From Misery to Meaning in Midlife

Перевод с английского:
В.И.Белопольский, В.В. Мершавка

Печатается с разрешения City Books

ISBN 0-919123-60-0 (англ.)

Предисловие автора к российскому изданию

*Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу.*

Данте. Ад

Наши сердца переполнены новой agonией, новой похотью и молчанием... Таинство стало более диким, а Бог – более великим. Власть темных сил тоже возросла, ибо их стало больше, и вся человеческая обитель испытывает великое потрясение.

Никос Казандзакис. Спасители Бога

Жизнь следует запоминать как события прошлого, но жить, устремившись в будущее.

Сьорен Кьеркегор. Из записей Кьеркегора

Иисус сказал: Когда вы рождаете это в себе, то, что вы имеете, спасет вас. Если вы не имеете этого в себе, то, чего вы не имеете в себе, умертвит вас.

Евангелие от Фомы

В течение многих лет своей психотерапевтической деятельности я слышу, как мои клиенты с разной биографией и исполняющие самые разные роли в жизненной драме, рассказывают мне самые разные истории, но при этом у них у всех есть нечто общее: оказывается, они осознали, что их прежние представления о смысле жизни и прежняя стратегия их поведения перестали быть для них эффективными. У одних людей эта необходимость осознания стала следствием возникающих затруднений в их отношениях с окружающими; у других пропал энтузиазм, который помогал им делать карьеру; третьи стали чаще болеть и ощущать депрессию или приступы необъяснимой тревоги. Я понял, что каждый из них находится в особом состоянии сложного психологического перехода, помочь которому не может никакая социальная служба, за исключением психотерапии. Ведь выбирая в молодости карьеру, мужа или жену и даже систему ценностей, разве мы не считали, что выбираем их на всю жизнь? Так на какую поддержку может рассчитывать человек, когда ему станет ясно, что он совершил ложный выбор?

Во время каждого переходного периода жизни в человеческой психике что-то умирает и вместе с тем появляется надежда на появление чего-то нового; при этом человек, спотыкаясь, бредет в «великом безвременье», оказавшись «между двух миров: один уж мертв, другой еще бессилен, чтоб родиться...» Основная и общая задача психотерапии в этот тяжелый для человека период переоценки и переосмысления жизни – уяснить, что в его жизни является главным.

Я понял, что каждый из нас проходит через некий «перевал», расположенный где-то между юношеством и состоянием так называемой «первой зрелости», которая еще не является настоящей зрелостью, и последним переходом в жизни от старости к смерти. Еще я понял, что причиной этого кризиса личностной идентичности и потери смысла жизни становятся разные способы адаптации к жизни, которые человеку приходилось использовать в детстве и в юности и которые со временем вызывают серьезный внутренний конфликт. В это время он подвергается сильному воздействию организующего центра психики, который Юнг назвал самостью и который стремится найти свое максимально полное внешнее выражение через все сформировавшиеся ложные адаптивные идентичности человека. Хотя вполне понятно, что каждый из нас ощущает опустошающее воздействие чрезвычайно острого внутреннего конфликта, при

переходе через этот «перевал» в среднем возрасте появляется уникальная возможность снова почувствовать свою значимость, более сознательно совершать свой выбор и сделать гораздо более интересным и захватывающим свое таинственное странствие, которое называется жизнью.

Книга «Перевал в середине пути» была написана более пятнадцати лет назад. Сегодня мне хочется, чтобы читателю стало ясно: этот таинственный внутренний переход совершенно не обязательно связан с физическим средним возрастом человека, ибо мне приходилось видеть, как через этот «перевал» проходят люди и в пятьдесят, и в шестьдесят лет. Он совершается, когда самость побуждает человека задать вопрос, который задает себе в повести Льва Толстого Иван Ильич: «Что ж в моей жизни было “то”?» Это очень болезненный вопрос, но он позволяет человеку совершенно по-новому посмотреть на то, как ему прожить вторую половину жизни, которую он может прожить более осознанно, более свободно именно потому, что его страдания побуждают его жить более масштабно и взять на себя больше ответственности за свою жизнь.

*Джеймс Холлис,
Хьюстон, Техас, США
октябрь 2005 года*

Предисловие

Почему в среднем возрасте многим из нас становится так плохо? Почему именно в этот период нашей жизни? Почему мы называем его кризисом? В чем заключается смысл этого кризиса?

В период кризиса среднего возраста, который я предпочитаю называть *Перевалом в середине пути*, у нас появляется возможность пересмотреть свою жизнь и задать себе вопрос, который иногда очень пугает, но всегда приносит облегчение: «Кто я такой, если отделить меня от моей биографии и ролей, которые я исполняю?» Если мы начинаем понимать, что жизнь была посвящена укреплению своего ложного Я, что мы отыгрывали свою временную взрослость, увлеченные далекими от реальности ожиданиями, – значит, мы открыты для вступления в стадию второй взрослости, стадию настоящей личностной зрелости.

Перевал в середине пути – это возможность переопределения и переориентации личности, это ритуал перехода от затянувшегося подросткового периода «первой взрослости» к неизбежной встрече со старостью и смертью. Те, кто проходят через этот перевал осознанно, делают свою жизнь более осмысленной. Те, у кого такой переход происходит бессознательно, так и остаются в плену своего детства, независимо от того успеха, которого они могут добиться во внешней жизни.

Последние десять лет психоаналитической практики моими пациентами в основном были люди среднего возраста, и я снова и снова сталкивался с одним и тем же хорошо узнаваемым психологическим паттерном. Перевал в середине пути открывает поразительную, хотя зачастую и болезненную, возможность пересмотра представления о самом себе. Именно поэтому в данной книге поднимаются следующие вопросы:

Каким образом мы обретаем изначальное ощущение своего Я? Какие именно изменения предвещают Перевал в середине пути? Как образом мы можем перестроить ощущение своего Я? Какая связь между теорией индивидуации Юнга и нашими обязательствами по отношению к окружающим? Какие установки и изменения в поведении движут нами и поддерживают процесс индивидуации при переходе через этот Перевал, от таинства к обретению смысла жизни?

Представители глубинной психологии знают, что такая возможность личностного развития человека зависит от его способности к интериоризации и к принятию ответственности на себя. Если мы во всех своих проблемах всегда будем винить других людей, то даже «решенная» проблема не вызовет никаких изменений в нашей жизни. Если нам не хватает мужества, значит, нам не удастся изменить свой взгляд на жизнь. В письме, написанном в 1945 г., рассуждая о внутренней работе над личностным развитием, Юнг писал:

Деятельность состоит из трех стадий: инсайта, предварительной внутренней работы и самого действия. Психология требуется только на первой стадии, а на второй и третьей стадиях основную роль играет нравственная сила¹.

Многие из нас относятся к жизни, как к роману. Мы спокойно переходим с одной его страницы на другую, ожидая, что на самой последней автор, наконец, раскроет нам весь смысл произведения. Хемингуэй как-то сказал, что если герой не умирает, значит, рассказ просто не закончен. Так вот, на последней странице мы умрем, независимо от того, поймем мы или не поймем логику всего происшедшего до этого. Возможность перехода через Перевал в середине пути открывает путь к осознанию, принятию на себя ответственности за написание оставшихся страниц книги и риска за кардинальное изменение той жизни, которую мы призваны прожить.

¹ C.G. Jung, *Letters*, vol. 1, p. 375.

На каком бы этапе жизни ни находился читатель, он все равно слышит призыв, похожий на тот, который услышал и описал в своем «Улиссе» Теннисон:

Угасает длинный день: медленно восходит луна: вокруг
Многоголосица глубоких стонов. Пойдем же, друзья,
Нам еще не поздно отправиться на поиски
обновленного мира².

² «Ulysses», in Louis Untermeyer, ed., *A Concise Treasury of Great Poems*, p. 299.

Глава 1

Взрослеющая личность

Это было сразу после Второй мировой войны, когда я учился в пятом классе. Наш учитель принес в школу стеклянные оптические призмы, которые служили заготовками для перископов подводных лодок. Перед занятиями и после них мы забавлялись тем, что наклоняли эти призмы, направляя на стены и друг на друга лучики света. Мы были очарованы тем, как устроен мир, и каждый из нас пытался увидеть его сквозь различные грани призмы. Мне было интересно: дети, которые постоянно носят очки, просто видят мир лучше, или же они видят совсем другой мир? Узнав о том, что стекла очков, которые мы носим, тоже преломляют свет, я стал размышлять над тем, может ли наблюдаемая нами реальность полностью зависеть от очков, через которые мы смотрим.

Иногда очень полезно вспомнить впечатления своей юности и признать, что любая реальность в определенной мере формируется очками, через которые мы на нее смотрим. Родившись на свет, мы сразу становимся обладателями множества очков: генетическая наследственность, пол, особенности культуры и разнообразие нашего семейного окружения – все эти факторы формируют наше ощущение реальности. Спустя какое-то время, оглядываясь назад, приходится признать, что наше видение реальности не соответствовало истинной природе вещей: мы видели реальность сквозь эти очки.

Иногда психотерапевты составляют генограмму, представляющую собой эмоциональную родословную. История семьи, разросшейся за несколько поколений, позволяет раскрыть периодически повторяющиеся мотивы. Хотя генетическая предрасположенность безусловно играет определенную роль, становится ясно, что семья передает из поколения в поколение также и свое представление о жизни. Очки переходят от родителей к детям и так далее, и вместе с ними передается и особый взгляд на мир, и все, что из него следует. И глядя на окружающий мир через унаследованные нами очки, мы упускаем из виду некоторые его важные аспекты.

Возможно, первый шаг к осознанию значимости «перевала в середине пути» – это признание ограниченности этих очков, обладателями которых мы стали, родившись в определенной семье и в определенном культурном окружении. Именно благодаря им мы совершаем свой выбор и ощущаем на себе его последствия. Если бы мы родились в другом месте и в другое время, у других родителей, которые бы придерживались иных ценностей, у нас были бы совершенно иные очки. А те, которые достались нам, формируют условия нашей жизни; они определяют не то, кто мы такие, а то, каким образом мы смотрим на мир и совершаем свой выбор. Каждое поколение имеет склонность к антропоцентризму, стремясь доказать, что именно его видение мира является самым объективным. Следовательно, мы тоже не являемся исключением, веря в то, что наше видение является единственно возможным, единственно правильным, и мы очень редко допускаем мысль об обусловленности своего восприятия другими факторами.

Даже в самое счастливое время, время детства, может существовать ощущение опасности. Находясь в утробе матери, мы связаны с сердцебиением космоса. Отделение от матери происходит очень болезненно. Внезапно нас насильно выбрасывают в мир ослепляющего света, оглушающих звуков, земного тяготения и отчуждения – так начинается изгнание. Даже религия (от латинского слова *religio*, «связь между человеком и богами», или *religare*, «воссоединение») может рассматриваться как отражение поиска утерянных связей с космосом. Для многих такое лишение благодати и вступление в мир голода и насилия – а именно таково первое восприятие окружающего мира – оказывает огромное влияние на ощущение своего Я. Чтобы защититься от боли, люди уже в детском возрасте стараются не давать выхода своим аффек-

тивным, когнитивным и чувственным способностям. Потом у них развиваются социопатия и расстройства личности. Именно такими людьми наполнены наши тюрьмы; они толпами ходят по нашим улицам.

Грустно, но эти опустошенные люди имеют незначительный потенциал для изменений и личностного роста; их пугает необходимость открыть себя миру, полному мучительных страданий, через которые обязательно надо пройти, чтобы сформировать свою собственную личность. Многих жизнь превращает в настоящих невротиков, психика которых расщепляется между внутренней природой ребенка и миром социальных взаимоотношений. Мы даже можем предположить, что неисследованная личность взрослого человека представляет собой совокупность установок, стилей поведения и психических рефлексов, возникших вследствие детской травмы, основная цель которых заключается в том, чтобы как-то снизить уровень стресса и тревоги, испытываемых органической детской памятью, хранящейся у нас внутри. Органическая память, которую мы можем назвать внутренним ребенком, а также наши разнообразные невроты есть не что иное, как стратегии, которые бессознательно развиваются для защиты этого внутреннего ребенка. (Здесь слово «невроз» используется не в клиническом смысле, а как обобщающий термин для расщепления между нашей естественной природой и процессом нашего окультуривания.)

Природу детской травмы можно вкратце описать двумя основными категориями: 1) переживание пренебрежения или отвержения; 2) переживание эмоционального подавления внешним миром.

Личность, которую мы можем назвать взрослеющей, представляет собой совокупность стратегий, выбранных ребенком с хрупкой психикой, чтобы с их помощью противостоять экзистенциальному страху. Эта совокупность стилей поведения и установок обычно формируется у ребенка в возрасте до пяти лет и принимает вид самых разных стратегий поведения, имеющих один общий мотив – самозащиту.

Хотя внешние силы, например, война, нищета или какие-то личные невзгоды, играют огромную роль в ощущении ребенком своего Я и окружающего его мира, самое сильное влияние на нашу жизнь оказывают детско-родительские отношения. Изучая проявление когнитивных процессов в так называемых примитивных культурах, антропологи обратили внимание на их сходство с формами мышления современных детей. Для примитивных культур характерно «анимистическое» и магическое мышление.

Для свойственного этим культурам недифференцированного мышления, как и для детского мышления, характерно, что мир наполнен душой; кажется, что внутренняя и внешняя энергия принадлежат одной реальности. Это и есть анимистическое мышление. К тому же представители этих культур (как, впрочем, и дети) полагают, что внутренняя реальность влияет на внешний мир, а внешняя – на внутренний. Это магическое мышление. Подобно дикарям, которые ограничиваются лишь изучением своей пещеры или тропического леса, ребенок старается познать реальность, прежде всего, для того, чтобы как можно лучше к ней адаптироваться и тем самым повысить вероятность своего выживания в будущем. (В известном платоновском мифе о пещере предел человеческого познания описывается в аллегорической форме – люди, заключенные в темницу, судят о жизни лишь по теням, отбрасываемым на стены, к которым они прикованы.) Таким образом, выводы ребенка относительно устройства внешнего мира основаны на очень узком спектре наблюдений и неизбежно являются неполными и предвзятыми. Ребенок не может сказать: «У моих родителей есть проблемы, которые оказали на меня огромное влияние». Он может лишь почувствовать, что жизнь для него тревожна, а мир небезопасен.

Пытаясь прочувствовать среду, окружающую детско-родительские отношения, ребенок интерпретирует свое ощущение тремя разными способами.

1. *Ребенок феноменологически интерпретирует тактильную и эмоциональную связь или ее отсутствие как базовое представление о жизни.* Является ли она предсказуемой и успокаивающей, или же неопределенной, болезненной и вызывающей тревогу? Это первичное восприятие жизни, формирующее у ребенка базовое доверие.

1. *Ребенок интериоризирует особенности родительского поведения как базовое представление о своем Я.* Так как ребенок время от времени перенимает ощущение или восприятие внутреннего мира родителя, родительская депрессия, гнев или тревожность могут интерпретироваться как актуальное состояние самого ребенка. Тогда малыш делает следующий вывод: «Я такой, каким меня видят, или такой, каким меня считают». (Тридцатисемилетний мужчина спросил умирающего отца: «Почему мы с тобой всегда были так далеки друг от друга?» В ответ он услышал от отца такое признание: «Помнишь, когда тебе было десять лет, ты уронил в туалет свою игрушку – знаешь ли ты, чего мне стоило вытащить ее оттуда?» Далее последовал еще целый перечень подобных событий. Сын вышел из больницы свободным человеком. До этого он всегда считал себя недостойным отцовской любви. А отец, проявив свои истинные мелочные чувства, дал сыну свободу, необходимую ему для обретения нового образа своего Я.)

2. *Ребенок наблюдает, каким образом взрослые сражаются с жизнью, и интериоризирует не только их поведение, но и их установки по отношению к самому себе и к окружающему миру.* Таким образом у него возникает представление о приемлемых для него способах поведения по отношению к окружающему миру. (Одна женщина, ощущавшая на себе нескончаемую материнскую тревогу, рассказывала, что пока она не пошла в колледж, она никогда не задавала себе вопрос, почему мать так деспотична по отношению к ней и почему она все время ожидает худшего. Сначала эта женщина полагала, что другие студенты просто не знали о том, что в жизни все так плохо. Но на втором курсе она стала подозревать, что попала в плен материнской тревоги и что могла бы попробовать более спокойно воспринимать себя и окружающий мир.)

Ясно, что выводы, к которым приходит ребенок в отношении своего Я и окружающего его мира, основаны на очень ограниченном опыте наблюдения за специфическими родительскими реакциями на конкретные проблемы. Его индивидуальное мироощущение чрезвычайно перегружено магическим мышлением: «все, что я ощущаю, связано со мной и имеет ко мне прямое отношение». Окончательные выводы также страдают чрезмерными обобщениями, ибо неизвестное можно оценить только исходя из того, что известно на данный момент. На основе столь искаженного исходного взгляда, слишком узкого и основанного на множестве предрассудков, у человека формируются система восприятия, стиль поведения и характерные реакции. Вооружившись всем этим арсеналом, он продолжает свой жизненный путь, обладая крайне односторонним и ограниченным взглядом на мир.

Индивидуальный характер этого неадекватного самоощущения, и стратегии, с самого раннего возраста стремящиеся определить черты личности, изменяются в соответствии с природой детских переживаний. Из каждой разновидности травмы, вызванной отвержением или эмоциональным подавлением, развивается комплекс поведенческих стилей в виде бессознательных рефлексорных реакций³.

Когда ребенок эмоционально подавлен, он постоянно ощущает величие Другого, проникающего через хрупкие границы детского Я. Не обладая достаточными ресурсами и волей, чтобы выбрать другие условия жизни, и даже способностью объективировать суть проблемы, рассмотрев ее с точки зрения Другого, не имея достаточно возможностей для сравнения собственных ощущений, ребенок демонстрирует защитные реакции, становясь сверхчувствитель-

³ Здесь идет речь о восприятиях и переживаниях, которые могут вносить свой вклад в кризис зарождения у человека своего Я. Хорошо, что это картина неполная. Обычно у каждого человека в детстве существуют свои привычные радости. Например, утром он просыпается, зная, что на столе его ждет завтрак, или что новый день откроет новые возможности для расширения и углубления его отношения к жизни.

ным к воздействию своего окружения, и «выбирает» пассивность, созависимость или навязчивое поведение, чтобы защитить свою хрупкую психическую структуру. Он учится самым разным формам приспособления, так как его Я ощущает относительную беспомощность перед воздействием внешнего мира, которое он ощущает как внутреннее эмоциональное подавление. Так, мужчина, отыгрывающий постоянные притязания матери, требующей, чтобы он превзошел достижения своего отца и добился настоящего «успеха», становится высококлассным профессионалом, сохраняя при этом привычку впустую тратить деньги. В конечном счете он приходит к финансовому краху и эмоциональному истощению. Его взрослая жизнь, которая со стороны казалась следствием сознательного выбора свободной личности, по существу, оказалась вынужденным согласием с избыточным и эмоционально подавляющим прессингом со стороны Другого, сочетающимся с бессознательным мятежом, проявляющимся в стремлении к поражению в форме пассивно-агрессивного протеста.

Столкнувшись с отвержением – то есть с недостаточным проявлением заботы и внимания, – ребенок может «выбрать» стратегии зависимости и/или провести свою жизнь в бессознательном поиске «лучшего» Другого. Так, женщина, испытавшая в детстве родительское отвержение, позже старалась привязать к себе многих мужчин – одного любовника за другим, – но все ее связи заканчивались фрустрацией и крахом ее иллюзий. Ее потребность в эмоциональной поддержке в какой-то степени отпугивала мужчин, и в то же время она бессознательно выбирала мужчин, которые проявляли по отношению к ней эмоциональную холодность. Ее отец никогда не был ей эмоционально близок, поэтому ее жизнь постепенно и рефлекторно формировалась на основе ее двойственного саморазрушающего ощущения себя как «человека, в чем-то обделенного, а следовательно – заслуживающего лишь того, что она имеет», и тщетной надежды на то, что очередной мужчина сможет исцелить ее внутреннюю травму детско-родительских отношений.

Такие травмы и разные бессознательные реакции, усвоенные внутренним ребенком, становятся чрезвычайно сильными психическими детерминантами поведения взрослого человека. Этот ребенок не может воплотиться в свободной личности. Из-за существующих детских травм личностный выбор взрослого человека низводится на уровень рефлекторных реакций на переживания и травмы раннего детства.

Согласно юнгианской модели, в любой такой рефлекторной, эмоционально заряженной реакции просматривается связь с природой личностного комплекса. Сам по себе комплекс нейтрален, хотя он содержит эмоциональный заряд, связанный с ощущаемым и интериоризированным образом. Чем больше сила первичного ощущения и чем дольше оно длится, тем большее влияние оказывает комплекс на жизнь человека. Появление комплексов неизбежно, так как каждый из нас обладает своей индивидуальной историей. Проблема заключается не в том, что у нас есть комплексы, а в том, что комплексы обладают властью над нами. Некоторые из них оказываются полезными для защиты человеческого организма, зато другие влияют на выбор человека и даже могут довлеть над ним на протяжении всей его жизни.

Комплексы всегда более или менее неосознанны; они эмоционально заряжены и действуют автономно. Хотя обычно они активизируются благодаря реальному внешнему событию, психика функционирует по аналогии, задавая себе вопрос: «Когда нечто подобное случилось со мной раньше?» Стимул, который сегодня является чрезвычайно сильным, может лишь отдаленно напоминать то, что случилось в далеком прошлом. Но если ситуация оказывается эмоционально близкой к тому, что произошло ранее, включается реакция, обусловленная тем прошлым событием. Лишь очень немногие из нас лишены эмоционально заряженных реакций в таких сферах, как секс, деньги и власть, ибо такие реакции, как правило, связаны с глубокими переживаниями в прошлой жизни.

Наибольшее влияние оказывают на нас материнский и отцовский комплексы, которые интериоризировали переживания, связанные с нашими отношениями с родителями. Эти два

человека – отец и мать – являются для нас самыми важными. Именно они «построили корабль и спустили его на воду». Мы были их замыслом, их стратегическим поступком, и благодаря их решению нам пришлось столкнуться с этой жизнью. Так, например, мачо-герои Хемингуэя, кроме всего прочего, были воплощением гиперкомпенсации страха перед женщинами у мальчика, выросшего в местечке Дубовый парк в штате Иллинойс. Этот страх появился у него в отношениях с матерью, которой очень хотелось, чтобы у нее родилась дочь, и которая оставалась эмоционально притягательной и навязчиво-требовательной даже тогда, когда он уже стал взрослым. Франц Кафка был настолько подавлен своим властным отцом, что вселенная казалась ему могучей, далекой и безразличной. Это не значит, что произведения искусства, созданные этими и другими художниками, нельзя назвать великими – они определенно являются таковыми, – но форма и личные мотивы творчества авторов заключались в проработке, компенсации и, по возможности, преодолении первичных родительских комплексов.

Итак, все мы живем бессознательными рефлексам, связанными с нашим прошлым. Даже в раннем детстве постоянно растет расщепление между нашей внутренней природой и социализированным Я. Два века назад это отметил Вордсворт в «Оде на близость бессмертия»:

Небеса лежат подле нас в нашем детстве!
Тени тюремного дома постепенно закрываются
Перед растущим мальчиком...
И человек, постоянно чувствуя свою смерть,
Попадает прямо на дневной свет⁴.

Вордсворту процесс социализации представляется постепенным расставанием человека с естественным для него ощущением своего Я, которое сопутствует появлению на свет каждого из нас. В пьесе Юджина О'Нила «Путешествие в ночь длиною в день» мать (персонаж пьесы) считает это обстоятельство еще более трагичным:

«Никто из нас ничего не может сделать с тем, что преподносит нам жизнь. Все события происходят раньше, чем мы их осознаем. Как только они происходят, они могут заставить вас поступить как-то иначе, и так будет продолжаться до тех пор, пока не произойдет нечто между тобой и тем, кем бы ты хотел быть, и ты навсегда потеряешь свое истинное Я»⁵.

Древние греки ощущали это расщепление двадцать пять веков назад. Их трагические персонажи не были злыми, хотя иногда они могли совершать зло. Это были личности, ограниченные незнанием самих себя. *Hamartia* (слово, которое иногда переводится как «уязвленное или искаженное видение», однако я предпочитаю другой перевод: «больное воображение». – Д.Х.) – это очки, глядя через которые, они совершали свой выбор. Когда выбор сделан, его последствия определяются совокупностью наших бессознательных сил и рефлекторных реакций. Трагическое ощущение жизни, которое декларируется во всех этих жестоких драмах, предполагает, что все мы – главные герои в собственной драме – можем пережить трагедию. Нас может привести к ней какая-то неведомая сила. Освобождающая мощь греческой трагедии заключается в том, что через страдания герой приходит к мудрости, то есть к обновленным отношениям между внутренней правдой (характером) и внешней правдой (богами или судьбой). Наша жизнь трагична лишь в той степени, в которой мы продолжаем оставаться бессознательными в отношении роли автономных комплексов и возрастающих расхождений между нашей природой и нашим выбором.

⁴ См.: Ernest Bernbaum, ed., *Anthology of Romanticism*, p. 232.

⁵ *Complete Plays*, p. 212.

Ощущение кризиса среднего возраста вызывает, прежде всего боль, обусловленная этим расщеплением. Расхождение между внутренним ощущением Я и социализированной личностью становится столь разительным, что уже не хватает сил, чтобы подавлять или хотя бы сдерживать страдания. Происходит то, что психологи называют декомпенсацией. Человек продолжает действовать, исходя из прежних установок и стратегий, которые к настоящему времени уже утратили свою эффективность. Фактически создается полная свобода для появления симптомов кризиса среднего возраста, ибо эти симптомы представляют собой не только инстинктивную основу Я, скрытую под социализированной личностью, но и мощный толчок к обновлению.

Переход через Перевал в середине пути происходит в страшной борьбе между социализированной личностью и требованиями, которые предъявляет самость. Человек, испытывающий такое переживание, часто впадает в панику и говорит: «Я больше не знаю, кто я». И действительно: человеку, который когда-то был, должен прийти на смену человек, который будет. Первый должен умереть. Поэтому нет ничего удивительного в том, что тревога достигает предельных величин. Человек психологически приговорен к тому, чтобы его старое Я умерло и на смену ему появилось новое.

Такого рода смерть и возрождение – не конечный пункт странствия, а всего лишь переход. Необходимо преодолеть Перевал в середине пути, чтобы достичь своего максимального потенциала и в зрелом возрасте обрести жизненную силу и мудрость. Поэтому Перевал в середине пути – это совокупность исходящих изнутри требований к поступательному движению от взрослеющей личности к истинной зрелости, от ложного Я – к подлинной зрелости.

Глава 2

На подступах к перевалу

Кризис среднего возраста – современное понятие. Перед тем, как в середине XX века средняя продолжительность человеческой жизни резко увеличилась, она была, по выражению Томаса Гоббса, «мерзкой, зверской и недолгой»⁶. Изменения в системе здравоохранения, происшедшие в сороковые годы, дали человечеству надежду и положили начало новой эпохе. Если побывать на старых американских кладбищах, можно увидеть длинные ряды могил детей, умерших во время эпидемий чумы, малярии, дифтерита, туберкулеза, оспы и тифа. Все эти болезни минуют современных детей благодаря всеобщей вакцинации. (Мне вспоминается мой родной город с населением в 100000 человек, в котором из-за эпидемии полиомиелита был закрыт доступ во все общественные места, за исключением самых необходимых: запрещалось посещение парков, кинотеатров, бассейнов и т. д.)

Те же, кто дожил до преклонного возраста, попадали под жесткий контроль мощных социальных институтов: церкви, семьи и общественной морали. (Во время моего детства на разведенных людей смотрели почти как на преступников.) Различия между полами были отчетливыми и абсолютными, что ущемляло права, как мужчин, так и женщин. Семейные и этнические традиции создавали у людей ощущение корней, а иногда и определенной общности, но вместе с тем приводили к кровосмешению и мешали проявлению независимости. Считалось, что девушка должна выйти замуж, иметь семью, вырастить детей и стать центром системы, сохраняющей и передающей ценности. Мальчик же, став взрослым, должен был унаследовать роль отца, стать для семьи добытчиком, но при этом участвовать также в сохранении и передаче семейных ценностей.

Многие из этих ценностей и по сей день признаются и поддерживаются на должном уровне. Но, признавая значимость подобных институциональных ожиданий, надо иметь в виду и связанные с ними глубокие душевные страдания. Нам не стоит механически аплодировать юбилярам, отмечающим золотую свадьбу, не зная о том, какие чувства они испытывали в течение этих пятидесяти лет. Быть может, они боялись изменений, боялись быть честными друг с другом – и страдали от этого. Ребенок, который жил только для того, чтобы отвечать родительским ожиданиям, мог в результате потерять свою собственную душу. Сохранение и воспроизведение ценностей само по себе не является добродетелью.

Наших предков редко посещала мысль, что человек приходит в этот мир для того, чтобы быть самим собой, – таинственным, но совершенно уникальным созданием, ценности которого могут отличаться от ценностей его родных и близких. Даже сейчас встречаются люди, которые усматривают в этой мысли отголоски ереси. Но для современной эпохи в основном характерно радикальное смещение фокуса психологической энергии от институциональных установок к индивидуальным. Не столь важны отдельные изменения: современное миропонимание сместилось от царского скипетра и церковной митры к человеческой личности. Великие идеологии, объединявшие миллионы людей, потеряли большую часть своей коллективной психической энергии, оставив наших современников в состоянии полной изоляции. Полтора века тому назад Мэттью Арнольд заметил, что мы блуждаем «меж двух миров, один уж мертв, другой бессилен, чтоб родиться»⁷. Хорошо это или плохо, но получилось так, что психическая гравитация сместилась от институционального выбора к индивидуальному. Перевал в середине пути сегодня существует не только потому, что люди живут достаточно долго, но и потому,

⁶ *Selections*, p. 106.

⁷ «Stanzas from “The Grand Chartreuse”», *Poetry and Criticism of Matthew Arnold*, p. 187.

что современное западное общество должно признать: нам самим принадлежит теперь главная роль в формировании нашей жизни.

Тектоническое давление и сейсмические толчки

Как предполагалось ранее, Перевал начинается с тектонического давления, направленного из глубины вверх. Подобно пластам земной коры, которые, смещаясь, трутся друг о друга и создают огромное давление, вызывающее землетрясения, сталкиваются между собой и отдельные пласты человеческой личности. Ощущение Я, приобретенное человеком в результате социализации, вместе со сформировавшимся у него восприятием, с совокупностью комплексов, с защитами его внутреннего ребенка, начинает скрипеть и скрежетать в борьбе с великой самостью, которая ищет возможность своего выражения.

Несмотря на возрастающее давление, эго-сознание, выполняющее защитные функции, может игнорировать эти сейсмические толчки. Так или иначе, задолго до осознания наступившего кризиса появляются его признаки и симптомы: депрессия, которую человек старается превозмогать, чрезмерное пристрастие к алкоголю, употребление марихуаны, продлевающей время занятия любовью, беспорядочные любовные связи, постоянная смена места работы и так далее – все эти усилия направлены на преодоление, игнорирование или избежание воздействия глубинного давления. С терапевтической точки зрения появление симптомов можно лишь приветствовать, ибо они не только указывают на наличие травмы, но и свидетельствуют о существовании здоровой психики, способной к саморегуляции.

Юнг заметил, что «в конечном счете невроз следует понимать как страдания не осознавшей себя души»⁸. Это не значит, что нельзя достичь ощущения полноты жизни, не испытывая страданий, но раз уж наступила пора страданий, нам остается постичь их смысл.

Во время Второй мировой войны немецкий теолог Дитрих Бонхоффер принял мученическую смерть за сопротивление гитлеровскому режиму. Из концентрационного лагеря во Фленсбурге ему удалось переправить на волю несколько статей и писем. Одна такая статья наполнена мучительными сомнениями, возникающими при попытке ответить на sacramентальный вопрос: «Знал ли все-таки Бог об этом лагере и об ужасных условиях жизни в нем?» В конце концов Бонхоффер понял, что не сможет ответить на этот вопрос, но пришел к мудрому выводу, что его долг состоит в том, чтобы пережить весь этот ужас и увидеть, как в этих условиях воплощается воля Божья⁹.

Поэтому можно предположить, что в страданиях, вызванных тектоническим давлением психики, может и не раскрыться конечная цель человеческой жизни. Но человек обязан найти смысл того внутреннего конфликта, который возникает при переходе через Перевал. В результате такого предопределенного судьбой потрясения, этого умирания – возрождения, возникает новая жизнь. У человека появляется возможность, осмыслив свои страдания и сделав из них соответствующие выводы, прожить новую, более осознанную жизнь.

Осознание Перевала начинается в тот момент, когда человек бывает серьезно потрясен воздействием своего бессознательного. Мне встречалось много людей, на подходе к Перевалу столкнувшихся с тяжелой, иногда смертельной болезнью или со смертью супруга. К моменту нашей встречи, в свои пятьдесят или шестьдесят лет, они все еще оставались во власти бессознательного, подавленные комплексами или коллективными ценностями, так что вопросы перехода через Перевал в середине пути их совсем не волновали. (В следующей главе я приведу конкретные примеры.)

Перевал в середине пути скорее можно назвать психологическим переживанием, чем хронологическим событием. В греческом языке существуют два слова, которые обозначают время: «*chronos*» и «*kairos*», но они существенно отличаются по своему значению. *Chronos* – это

⁸ «Psychotherapists or the Clergy», *Psychology and Religion: West and East*, CW 11, par. 497.

⁹ *Letters and Papers from Prison*, p. 210.

равномерное, поступательное движение времени; *kairos* – время, раскрывающееся в своем глубинном измерении. Таким образом, 1776 год для американцев означает существенно больше, чем обычный календарный год; это – трансцендентное событие, определившее каждый последующий год в современной истории США. Перевал наступает, когда человек вынужден увидеть в своей жизни нечто большее, чем просто хронологическую последовательность лет. Чем более бессознательным остается человек – что очень легко в нашей культуре, – тем с большей вероятностью он будет рассматривать жизнь лишь как последовательность событий с неизвестным концом, значение которого прояснится с течением времени. Когда человека потрясает его бессознательное, тогда ось вертикальной размерности, *kairos*, пересекает горизонтальную плоскость его жизни. И тогда у него появляется перспектива погружения в глубину: «Кто я все-таки такой и куда меня влечет?»

Переход через Перевал происходит, когда человеку приходится заново задавать вопросы, которые однажды уже появлялись в его детском сознании, но со временем стерлись из памяти. Этот переход начинается тогда, когда ему уже не удастся избежать проблем, которые ранее получалось обходить стороной. К нему неумолимо возвращается вопрос о его идентичности, и он уже не может уклониться от его решения. Повторяю: переход через Перевал в середине пути начинается с вопроса: «Кто я такой, если вычесть мою индивидуальную историю и те роли, которые мне приходилось исполнять?»

Наше прошлое постоянно присутствует в нашей психике, оно динамично и автономно: оно сформировало нас и продолжает оказывать свое воздействие. Так как мы были созданы для исполнения социальных ролей, например, роли супруга, родителя или добытчика в семье, – мы проецируем свою идентичность на эти роли. Джеймс Аджи начал свою автобиографическую повесть так: «Сейчас вы узнаете о летних вечерах в Кноксвилле, штат Теннесси, о том времени, когда я там жил и вполне успешно выдавал себя за ребенка»¹⁰. Все великие вопросы появились еще тогда, когда мы были детьми и по ночам, лежа в своей кроватке, молча наблюдали за взрослыми, не спуская с них глаз, замирая от страха и наслаждения. Но бремя образования, вживание в роль родителя и постепенное окультуривание со временем вытеснили детский трепет и заменили его социальными ожиданиями и культурными нормами. Аджи завершает свое предисловие, вспоминая о том, как взрослые брали его из кроватки «как самое близкое и любимое в доме существо: но они никогда, ни за что, ни сейчас, ни потом не говорили мне, кто я такой, и никогда об этом мне не скажут»¹¹.

Такие серьезные вопросы придают ценность и значимость нашей жизни. Если мы забываем о них, то попадаем в плен социальных условностей, пошлости и в конце концов – отчаяния. Если нам посчастливится достаточно пострадать, то испытанные потрясения пробудят сопротивляющееся сознание, и эти вопросы встанут перед нами вновь. Если же у нас хватит мужества и желания самим позаботиться о себе, то через эти страдания мы сможем вновь вернуть себя к жизни.

Хотя некоторые из нас встречаются со своим Я в результате какой-то беды или несчастья, предупреждения о грядущих страданиях возникают гораздо раньше. Мы почти не ощущаем легких подземных толчков у нас под ногами, а потому сначала просто не обращаем на них внимания. Тектонические толчки, старшие братья тектонического напряжения, происходят еще до того, как мы полностью их осознаем.

Я знаю человека, который в двадцать восемь лет достиг всего, о чем мечтал: стал доктором наук, обзавелся семьей, опубликовал книгу, получил хорошую преподавательскую должность. Впервые он почувствовал близость сейсмических толчков через несколько лет после того, как достиг желаемого: он стал скучать и постоянно ощущать недостаток энергии. С ним

¹⁰ *A Death in the Family*, p. 11.

¹¹ Там же, p. 15.

случилось то, что в той или иной мере случается с большинством из нас. В последующие десять лет он написал еще несколько книг, у него родилось еще несколько детей, ему предложили еще лучшую преподавательскую должность. Вся его деятельность подчинялась определенному рациональному плану и производила очень хорошее внешнее впечатление, являясь типичной карьерной лестницей, по которой все мы стремимся как можно выше подняться, проецируя на нее свою идентичность. Когда ему исполнилось тридцать семь лет, он оказался в глубокой депрессии, которая до этого развивалась в скрытой форме, и почувствовал почти полное безразличие к жизни, утратившей для него всякий смысл. Он бросил работу, ушел из семьи и открыл в другом городе кафе-мороженое в викторианском стиле. Стало ли такое поведение гиперкомпенсацией его прошлой жизни? Подавил ли он в себе правильные и полезные вопросы, которые встали перед ним на подходе к Перевалу и заставили обратить на себя внимание? Или же что-то случайно натолкнуло его на путь, который во второй половине жизни оказался для него более предпочтительным? Он сказал, что, наверно, только время даст ответы на все эти вопросы.

Часто сейсмические толчки ощущаются даже в неполные тридцать лет, но в этом возрасте их можно просто не заметить. Наполненная жизнь, манящие дороги, крутые виражи требуют все больше усилий, но человек довольно легко, без особого напряжения, тратит все больше энергии и практически не обращает внимания на сделанные ему предупреждения. Ему приходится несколько раз пройти по кругу только для того, чтобы точно узнать, круг ли это или овал. Прочувствовать, осознать свои психологические паттерны, с их издержками и побочными эффектами, человек может тогда, когда не единожды выстрадал их. Часто при ретроспективном взгляде на свое поведение люди испытывают разочарование и унижение, видя свои ошибки, признавая свою наивность и осознавая свои проекции. Но таково типичное состояние первой взрослости: полное просчетов, озарений, запретов, ошибочных предположений с обязательным молчаливым проигрыванием извлеченных из памяти детских установок. Если не произошло движения вперед с неизбежным совершением ошибок и набиванием на лбу шишек, – значит, человеку приходится оставаться в состоянии детства. Если же он пересматривает свою жизнь, оказавшись в начале ее второй половины в поворотной точке, то ему следует осознать совершенные им неизбежные бессознательные просчеты и простить себя за них. Но не прийти к осознанию даже во второй половине жизни – значит, совершить непростительную ошибку.

Существует ряд характерных симптомов или ощущений, на которых мы подробнее остановимся ниже. Они позволяют уяснить требования, предъявляемые жизнью при переходе через Перевал. Эти симптомы и переживания проявляются независимо от воли Эго. Они дают о себе знать тихо и постепенно, день за днем, нарушая сон внутреннего ребенка, который хочет предсказуемости и больше всего ценит безопасность. Однако эти симптомы свидетельствуют о неизбежном движении жизни к неизвестной конечной цели – телеологическом процессе, подчиняющемся таинствам природы и имеющем мало общего с желаниями и чаяниями невротического Эго.

Новый тип мышления

Как упоминалось ранее, для детского возраста характерно магическое мышление. Это ребенка еще не закалило в борьбе, еще не определилось в отношении собственных границ. Внешний мир объектов и внутренний мир желаний часто сливаются между собой. Желания кажутся возможностями, и даже очень вероятными. В них проявляется нарциссизм ребенка, который хочет считать себя центром вселенной. Такое мышление является иллюзорным и возвышенным, но для ребенка это совершенно естественный стиль мышления. «Я хочу стать взрослой, нарядиться в белое платье и выйти замуж за принца». «Я хочу стать космонавтом». «Когда я вырасту, я стану известной рок-звездой». (Попробуйте вспомнить свои самые сокровенные детские желания и поразмышлять, что с ними сделала жизнь.) Магическое мышление ребенка больше всего заставляет его поверить в свое бессмертие – в то, что он обязательно станет известным и богатым, что ему удастся спрятаться от смерти, а значит, избежать той участи, которая ждет всех остальных. Такой тип мышления преобладает до десяти лет, хотя к этому возрасту дети уже очень хорошо ощущают свои ограничения. Иллюзия собственного превосходства и неординарности иногда имеет тяжелые последствия для некоторых детей, но на других она не оказывает никакого влияния. (В детстве я думал, что, став взрослым, мог бы заменить Джо Димаджио, центрального игрока команды «Нью-Йорк Янки». Увы, оказалось, что всеми необходимыми качествами центрального обладал не я, а Микки Мантл.)

Чувствуя боль и пребывая в полном смятении, которое присуще подростковому возрасту, страдающий ребенок надевает на себя маску грубости. К тому же его совсем неокрепшее Эго проявляет настойчивую склонность к мышлению, которое сейчас называют героическим. Хотя оно становится гораздо более реалистичным, в нем все равно сохраняется способность надеяться и проецировать все неизвестное ему содержание с помощью фантазии о величии и совершенстве. Можно с грустью смотреть на жалкие руины родительского брака и прийти к выводу: «Я знаю жизнь лучше, чем они, и поступлю гораздо умнее». Можно по-прежнему надеяться получить должность генерального директора фирмы, написать великий американский роман, стать потрясающим родителем.

Героическое мышление полезно, ибо, если ждать только грядущих испытаний и разочарований, кому же захочется становиться взрослым? Люди меня иногда спрашивают, когда наступит день их торжества, но как бы ни было неприятно произносить такие слова, у меня все-таки не хватает душевных сил на то, чтобы сказать им правду. А кто может, спокойно глядя в вопрошающие и исполненные надежды глаза человека, сказать: «Несколько лет спустя вы, скорее всего, возненавидите свою работу, ваш брак будет висеть на волоске, ваши дети вызовут у вас сердечный приступ и вы испытаете столько страданий и потрясений, что подумаете о том, не написать ли книгу о своей жизни». Кто может поступить таким образом по отношению к тем романтическим и наивным людям, стремящимся через тернии к звездам и горящим желанием обязательно их достичь, даже если они пошли той же кривой и скользкой дорогой, которой шли их родители?

Героическое мышление, с характерными для него чаяниями и планами, слегка видоизменяемое под воздействием исторического времени, заставляет молодых людей покидать дом и погружаться в водоворот жизни – как, собственно, и должно быть. Юный Вордсворт, который переправился через ЛаМанш и оказался во Франции в самом начале революции, написал, что быть молодым и присутствовать там – все равно, что оказаться на небесах¹². Через несколько лет его восторг сменился презрением, когда он увидел, как все обещания революционеров в итоге привели к наполеоновской диктатуре. Изможденный в боях и сражениях, Т.Е. Лоуренс

¹² «The Prelude», *Poetical Works of Wordsworth*, p. 570.

убедился в том, что старики фактически предали все его надежды на будущее, подписав мирный договор. Но и по сей день молодежь срывается с места, падает, поднимается и все начинает сначала, вновь совершает ошибки, встает и продолжает идти вперед, подчиняясь велению времени.

Человек оказывается на подходе к Перевалу, когда его магическое детское мышление и героическое мышление подросткового возраста перестают соответствовать его жизненному опыту. Люди, перешагнувшие тридцатилетие и приблизившиеся к сорокалетнему рубежу, испытали достаточно разочарований и душевной боли, чтобы перерасти остатки своей подростковой психологии. Каждый человек в среднем возрасте пережил крушение своих планов, надежд и ожиданий, ощущая при этом, как ему не хватало таланта, интеллекта, а зачастую и мужества.

Таким образом, тот тип мышления, который характеризует ощущение перехода через Перевал, проще всего назвать реалистическим. Реалистическое мышление дает нам перспективу. Греческая трагедия показывает нам, что в финале главный герой мог бы стать богачом, но не стал, так как вернулся к истинным отношениям с богами. Шекспировский Король Лир был неплохой человек; но он был глупец, ибо не знал, что такое любовь. Он нуждался в сладкой, обманной лести; он заплатил за это своим физическим и психическим здоровьем, и только после этого к нему пришло прозрение.

Итак, жизнь открывает всем нам совершенно иную перспективу: надо отказаться от юношеского высокомерия и гордыни и научиться видеть разницу между надеждой, знанием и мудростью. Надежда основана на вероятном событии. Знания появляются в результате ценного урока переживаний. Мудрости всегда сопутствует скромность, и никогда – чванливость. Например, мудрость Сократа заключалась в том, что он знал то, что ничего не знал (но его «ничего» стоило много больше поучений софистов и знатоков, живших в его время).

Реалистическое мышление в среднем возрасте имеет определенную цель: сохранение равновесия и восстановление смиренного, но достойного отношения человека к окружающему его миру. Один мой друг как-то сказал, что знал, когда у него наступит кризис среднего возраста. Это понимание возникло как мысль, как фраза в голове, истинность которой не подлежала сомнению. Мысль была такова: «моя жизнь никогда не была цельной, а состояла из отдельных фрагментов». Его психика открыто заявила о том, что все непомерные ожидания, присущие его молодости, были тщетными. Такое осознание одних людей могло привести к краху, зато другим позволяло пойти дальше и задать следующий вопрос: «Что же теперь мне нужно делать?»

Изменения в идентичности

Если человеку удастся прожить всю жизнь полностью, он последовательно проходит через несколько разных идентичностей. Самая естественная цель Эго состоит в том, чтобы справиться с экзистенциальной тревогой, стабилизируя, насколько это возможно, жизнь человека. Но сама суть жизни предполагает, что изменяются ее требования. Приблизительно через каждые семь – десять лет личность человека существенно меняется. Посмотрите, каким вы были в 14 лет, в 21 год, в 28 и, скажем, в 35 лет. Постепенно взрослея, каждый из нас вынужден совершать такие переходы. Вполне возможно обобщить все эти циклические изменения и выделить социальные и психологические задачи каждой стадии. В то время как Эго хвастливо предполагает, что оно руководит жизнью и так будет всегда, жизнь идет своим чередом. Жизнь – это автономный процесс, неизбежно диалектический, с постоянным чередованием смерти и возрождения. Признание неизбежности изменений – очень мудрый шаг, но по своей природе мы не склонны отказываться от того, что мы намеревались достичь¹³.

Несколько лет тому назад очень популярным было произведение Гейла Шихи «Переходы». Его популярность свидетельствует о важности самой проблемы периодических изменений. Кроме того, Мирча Элиаде, Джозеф Кэмпбелл и другие социологи и антропологи предположили, что наша культура лишилась мифологической путеводной карты, которая позволяла видеть личность в более широком контексте. Не имея божественных образов, которым раньше внимало все племя, современные люди отрезаны от своих истоков и плывут по воле волн, не имея на разных стадиях жизни ни ориентиров, ни образцов для подражания, ни помощи. При переходе через Перевал человек сначала умирает, потом возрождается. В это время у него часто возникает ощущение страха и одиночества из-за отсутствия переходных ритуалов и даже незначительной помощи, которую могли бы оказать ему товарищи, но они сами, так же как и он, блуждают в неизвестности.

Поскольку жизнь проходит через множество стадий, то каждый переход неизбежно вызывает что-то вроде частичной смерти; при этом имеются четыре более продолжительные стадии, каждая из них способна определить личностную идентичность.

Первая идентичность – детство – в основном характеризуется зависимостью Эго от психологической атмосферы, созданной родительским миром. Физическая зависимость ребенка от родителей очевидна; но еще сильнее оказывается психологическая зависимость, сущность которой заключается в идентификации ребенка с его семьей. В древних культурах человек считался взрослым сразу по окончании пубертатного периода. Независимо от географических, культурных и идеологических различий, которые существовали между племенами, в каждом из них развивались очень значимые для них ритуалы перехода от детской зависимости к независимости взрослого человека.

При всех возможных различиях в практиках обряда инициации, традиционные переходные ритуалы обычно состояли из шести стадий. Перечислим их кратко: 1) отделение от родителей, часто через ритуальное похищение детей; 2) смерть, во время которой детская зависимость просто «уничтожается»; 3) возрождение, то есть появление нового человека, который, хотя и является «новорожденным», все же принадлежит племени; 4) обучение – процесс ознакомления неофитов с главными мифами племени, которые создают у них ощущение духовного центра, знакомят с правами и обязанностями членов сообщества и учат всему, что должен уметь взрослый человек: охотиться, растить детей и т. п.; 5) суровое испытание, чаще всего

¹³ Бессознательное часто признает наличие сопротивления и указывает на необходимость изменений. Тогда в сновидениях появляются образы затопленных или взорванных домов, украденных или заглохших автомобилей, или же потерянного или украденного бумажника или портмоне, в котором находился паспорт или удостоверение личности. Появление этих образов свидетельствует о том, что прежнее состояние Эго больше не является адекватным.

сопровождающееся отделением от родителей, чтобы посвященный мог почувствовать в себе внутреннюю силу, необходимую для самостоятельного решения задач; и, наконец, б) возвращение: человек возвращается в свое племя, обладая практическими умениями, мифологическими знаниями и внутренней силой, необходимой для выполнения функций зрелого человека. Часто иницилируемый получает новое имя, означающее, что он подвергся радикальной трансформации.

Ритуалы инициации предназначены для того, чтобы отделить молодого человека от родителей, передать ему священную историю сообщества, а также укрепить его дух и подготовить к взрослой жизни. В западной культуре нет ни одного сколько-нибудь значимого ритуала перехода из состояния подростка в состояние взрослого, поэтому многие молодые люди продолжают оставаться зависимыми от родителей. Наша культура стала настолько разнородной, совершенно утратив свою мифологическую основу, что нам остается лишь передать в наследство другим поколениям основные убеждения двадцатого века: материализм, гедонизм и нарциссизм, разбавленные некоторыми навыками владения компьютером. Ничто из перечисленного выше не спасет человечество и не поможет восстановить его связь с землей и ее великими ритмами, а также постичь глубину и смысл человеческого странствия.

Вторая идентичность появляется в пубертатном возрасте. Но без традиционных переходных ритуалов молодой человек испытывает полный душевный и духовный разлад, которому сопутствует лабильность Эго. «Новорожденное» Эго очень податливо и подвержено любой деформации, а потому становится жертвой влияния юных сверстников и поп-культуры, которая формируется такими же подростками, находящимися в состоянии смятения и душевного разлада. (Многие терапевты считают, что подростковый возраст в Северной Америке продолжается от двенадцати до двадцати восьми лет. Имея двадцать шесть лет преподавательского стажа, я пришел к выводу, что фундаментальная социально-культурная роль всех колледжей заключается в том, чтобы выполнять функцию внешней оболочки, укрепляющей Эго молодых людей, пока те ищут возможность отделиться от своих родителей и покончить с зависимостью от них. Но на деле оказывается, что их любовь и ненависть к Маме и Папе в основном перетекают в любовь и ненависть к их альма-матер.)

Поэтому главная задача второго перехода заключается в укреплении Эго, и тогда у молодых людей хватает сил покинуть родителей, вступить в мир и бороться за выживание и удовлетворение своих желаний. Такой человек должен сказать окружающему его миру: «Примите меня на работу. Женитесь на мне. Поверьте мне». А потом он должен доказать свою самодостаточность на деле. Иногда в среднем возрасте человек все же не предпринимает решительных шагов, чтобы покончить с зависимостью от родителей и вступить в чужой для него мир. Одни молодые люди будут по-прежнему жить с родителями. Другим не хватит внутренних сил и ощущения самодостаточности, чтобы подвергнуть риску свои отношения с окружающими. Третьи не возьмутся за решение задачи, на которую нужно затратить немало сил. Такие люди могут достичь лишь хронологического среднего возраста, тогда как их *kairos* по-прежнему будет детство.

Я называю первой взрослостью возрастной период, который длится приблизительно от двенадцати до сорока лет. Молодой человек, знающий – и знающий очень хорошо, – что ему (или ей) не хватает ясного ощущения своего Я, может лишь пытаться поступать так, как поступают другие взрослые люди. Здесь рождается вполне понятное заблуждение: если человек ведет себя так, как ведут себя его родители, или же, наоборот, если он полностью отвергает их пример, – значит, он считается взрослым. Если человек дорожит своей работой, вступает в брак, становится родителем и исправным налогоплательщиком, – эти факты обязательно подтверждают его взрослость. А в действительности произошло следующее: детская зависимость частично ушла вглубь и спроецировалась на роли, присущие взрослому человеку. Эти роли чем-то напоминают параллельные туннели. Пребывая в состоянии смятения, характерного для

подростка, человек исполняет эти роли, полагая, что они будут подкреплять его идентичность и подтверждать его самодостаточность, и при этом ощущает огромный ужас перед неизвестным. Первая взрослость, которая фактически может продолжаться всю жизнь, на самом деле является зачаточным существованием, характеризующимся отсутствием глубины и уникальности, благодаря которым человек становится истинной индивидуальностью.

Эти туннели не имеют конкретной длины. Они продолжаются ровно столько, сколько существуют спроецированные на них идентичность и зависимость. Практически невозможно найти тридцатилетнего человека, который бы продуктивно работал, имел семью, планировал завести второго ребенка и при этом находился бы в состоянии продолжающегося детства. Родительские комплексы и авторитетность этих социальных ролей обладают достаточной энергией, чтобы притягивать проекции любого человека, занимающегося самопознанием в окружающем мире. Как уже отмечалось, самость – таинственный процесс, происходящий внутри каждого из нас и приводящий нас к себе, – часто находит свое выражение в симптомах: в потере энергии, депрессии, во внезапных приступах ярости и гиперкомпенсации, – но энергия проекций оказывается столь сильной, что человеку приходится оставить в стороне все серьезные вопросы, связанные с его индивидуальным странствием. Он испытывает настоящий ужас, когда в какой-то момент эти проекции исчезают и он больше не может избежать вмешательства самости. Тогда ему приходится убедиться в своей бессилии и невозможности овладеть ситуацией. Это никогда не находилось под контролем, а, наоборот, было подвержено воздействию родительского и коллективного комплексов, поддерживаемых энергией проекций на социально-культурные роли тех людей, которые обязаны быть взрослыми. Пока роли остаются социально привлекательными и пока действуют проекции, человеку удается предотвращать встречу со своей внутренней самостью.

Третья фаза становления идентичности, вторая взрослость, наступает при исчезновении всех проекций. Ощущение предательства, краха неоправданных ожиданий, пустоты и потери смысла жизни, которое появляется при этом, порождает кризис среднего возраста. Но именно во время этого кризиса человек получает возможность стать индивидуальностью, преодолев детерминирующую родительскую волю, родительские комплексы и социально-культурный конформизм. Трагизм ситуации заключается в том, что регрессивная психическая энергия, со своим подчинением авторитету, часто удерживает человека в сильной зависимости от этих комплексов и тем самым тормозит его личностное развитие. Пожилых людей, каждый из которых должен столкнуться с неминуемой потерей и смертью, можно разделить на две категории. Одним жизнь по-прежнему бросает вызов, и они по-прежнему готовы бороться изо всех сил. Для других жизнь наполнена горечью, сожалениями и страхом. Первые, безусловно, прошли через борьбу, пережили смерть первой взрослости и взяли на себя ответственность за свою жизнь. Свои последние годы они живут более осознанной жизнью. Тех же, кто избежал первой смерти, преследует вторая и связанный с ней страх, что их жизнь была совершенно бессмысленной.

Характерные черты второй взрослости мы обсудим несколько позже. Но важно заметить, что вторая взрослость может наступить только при разрушении временных идентичностей и гибели ложного Я. Боль от этих потерь могут скомпенсировать награды в будущей новой жизни, но, оказавшись на Перевале, можно почувствовать только умирание. Четвертую идентичность, приближение к концу, включающую в себя умение жить с осознанием таинства смерти, мы тоже обсудим позже, однако уже при наступлении второй взрослости очень важно признать реальность наступления смерти.

Положительный момент смерти, завершающей время первой взрослости, заключается в том, что человек может улучшить свою жизнь, сделав соответствующие выводы. Это вторая попытка, оставшаяся у нас со времени невинного детства. Положительным результатом нашей встречи со смертью является то, что наш выбор имеет реальные последствия, а наша нравствен-

ность и душевная глубина возникают прямо из того, что Хайдеггер назвал «Бытием, устремленным к Смерти»¹⁴. Хайдеггер определяет наше онтологическое состояние не как нездоровье, а скорее как признание телеологических целей природы, диалектики возрождения – смерти.

На эти смещенные идентичности можно посмотреть по-другому, если классифицировать составляющие их размерности. При наступлении первой идентичности, детства, все действия разворачиваются вдоль оси детско-родительских отношений. Во время первой взрослости ось располагается между Эго и внешним миром. Эго, осознающая человеческая сущность, борется, чтобы спроецировать себя на мир и сотворить внутри него свой мир. Детская зависимость вела прямо в бессознательное и/или проецировалась на разные роли, и человек ориентировался, прежде всего, на внешний мир. Во время второй взрослости, в процессе перехода через Перевал и после него, ось проходит через Эго и самость. Сознание вполне естественно предполагает, что оно все знает, и стремится это показать. Как только прекращается гегемония сознания, присмирившее Эго вступает в диалог с самостью. Самость можно определить как телеологическое устремление организма. Это таинство гораздо глубже, чем наша возможность его постижения, и его раскрытие дает нам гораздо больше богатства, чем может вместить наша короткая жизнь.

Четвертая размерность – это ось самость – Бог, или, если угодно, самость – Космос. Эта ось ограничена таинством космоса, которое превосходит пределы таинства индивидуального воплощения. Не установив каких-либо связей с космической драмой, мы ограничиваем свою жизнь быстротечным, поверхностным и скучным существованием. Так как унаследованная большинством из нас культура располагает лишь ничтожно малыми мифологическими рычагами для помещения своего Я в более широкий контекст, возникает все более настоятельное требование к каждому из нас расширить свое видение жизни.

Эти смещающиеся оси подчеркивают происходящие в душе глубинные изменения. Когда мы безвольно мечемся от одной оси к другой, то приходим в смятение и даже в ужас. Но, по-видимому, сама наша человеческая сущность побуждает нас браться за исполнение все более и более значительных ролей в этой великой драме.

¹⁴ *Being and Time*, p. 97.

Устранение проекций

Проекция – это фундаментальный психический механизм, или стратегия, порожденная способностью бессознательного к проекции вовне. (Слово «проекция» происходит от латинского *pro + jacere* – «бросать перед собой».) Юнг писал, что «основной психологической причиной проекции всегда является активизация бессознательного, которое ищет возможность самовыражения»¹⁵. В другом своем труде он утверждал: «Проекция никогда не создается искусственно, она просто появляется и существует. В темноте всего внешнего по отношению ко мне я нахожу внутреннюю, то есть психическую жизнь, которая является моей собственной, но не признаю этого»¹⁶.

Оказавшись лицом к лицу с внешним миром, который внушает нам трепет, и непостижимой необъятностью внутреннего мира, мы подчиняемся своей природе и проецируем тревогу на родителя, который, по нашему убеждению, является всезнающим и всемогущим. Когда нам приходится расстаться со своими родителями, мы начинаем проецировать знания и энергию на социальные институты, на обладающих властью людей и на социальные роли (упоминаемые нами выше туннели). Мы полагаем, что поступать так, как поступают взрослые, – значит самому стать взрослым. Молодой человек, вступивший в стадию первой взрослости, не может знать, что взрослые люди – просто большие дети, которые играют большие роли. Некоторые из них могут даже верить в то, что сами они *и есть* их роли. Те из них, кто более объективно оценивает себя, лучше осознает степень своего несоответствия, а те, кто переходит через Перевал или уже через него перешел, уже ощутили исчезновение своих проекций.

Среди самых разных проекций наиболее распространены те, которые направлены на карьеру, а также на сферу супружеских и родительских отношений. Более подробно о роли, которую играют проекции в отношениях между супругами, мы скажем позже, но, наверное, никакой другой социальный институт не несет на себе такого бремени бессознательного, как институт брака. Лишь очень немногие, стоя у алтаря, осознают несоразмерность своих ожиданий. Никто не станет говорить вслух о своих далеко идущих планах: «Я полагаю, что ты – смысл моей жизни». «Я надеюсь, что ты всегда будешь рядом со мной, когда мне это понадобится». «Я думаю, что ты сможешь читать мои мысли и предвидеть все мои желания». «Я верю, что ты исцелишь мои раны и восполнишь все то, чего мне не хватает в жизни». «Я уверен, что ты дополнишь меня и сделаешь меня целостной личностью, исцелив мою истерзанную душу». Так же, как приветственную речь нельзя посвящать поиску вечных истин, так и перед алтарем нельзя излагать тайные планы. Человек крайне смутится, если другой признается ему, что для него эти требования невыполнимы. Под бременем таких ожиданий распадается большинство браков, а те, которые сохраняются, обычно бывают неудачными. Романтизм подпитывается расстоянием, воображением, проекциями. Супружеские отношения питаются жидкой социальной кашей, состоящей из сходства интересов, постоянства отношений и совместного проживания.

В своей книге «Он» Роберт Джонсон утверждает, что большинство наших современников, утративших связь со своей основой – древнейшей мифологией, все влечения своей души перенесли в сферу романтической любви¹⁷. Действительно, каждый из нас с детства несет в душе любимые образы, проецируя их на всех, кто может оказаться экраном для нашего бессознательного материала. Как сказал персидский поэт Руми:

¹⁵ «The Symbolic Life», *The Symbolic Life*, CW 18, par. 352.

¹⁶ *Psychology and Alchemy*, CW 12, par. 346.

¹⁷ *He*, p. 82–83. См. также русский перевод «Он», М.: Когито-Центр, 2005.

Как только я услышал первую в своей жизни историю
любви, то стал тебя искать,
не понимая, каким я был слепым.
Счастливого конца не будет; любовники никогда
не встретятся;
Ибо каждый из них всегда находится у другого внутри¹⁸.

Совместная жизнь с другим человеком автоматически устраняет множество проекций. Человек, которому вы доверили свою душу, которому вы распахнули ее настежь, считая его самым близким, оказывается таким же простым смертным, как и все мы. Он чего-то боится, в чем-то нуждается и, в свою очередь, проецирует на вас тяжелое бремя своих ожиданий. Любые близкие отношения являются нелегким бременем, потому что каждый пытается в них найти того Самого Близкого Другого, которым когда-то был родитель. Разумеется, мы даже в мыслях не допускаем, что наш партнер будет нашим родителем. Мы же столько энергии истратили на то, чтобы расстаться, наконец, с отцом и матерью. Но возлюбленный становится тем Самым Близким Другим, на которого мы проецируем те же самые потребности и ту же психодинамику, что и на родителей, – в той самой степени, в какой мы остаемся бессознательными. Когда библейские мудрецы настаивали на том, что при вступлении в брак следует оставить своих отца и мать¹⁹, они, возможно, не представляли, как сложно это будет сделать. Таким образом, можно лишь частично расстаться с ожиданиями проявления заботы, поддержки и умения исцелять, которые человек проецирует на Самого Близкого Другого. Противоречие между тайной надеждой и повседневной реальностью при переходе через Перевал вызывает у человека ощущение сильной боли.

Другая роль, связанная с вынужденной необходимостью нести на себе тяжелое бремя проекций, – это роль родителя. Большинство из нас совершенно убеждено: мы точно знаем, что нужно нашему ребенку. Мы полностью уверены в том, что можем избежать тех ошибок, которые совершали наши родители. Но мы все равно виноваты перед своими детьми, так как проецируем на них свою непрожитую жизнь. Юнг заметил, что самое тяжелое бремя, которое ложится на плечи ребенка, – это непрожитая жизнь его родителей. Строгая Мать и Безразличный Отец – это только стереотипы, но в их основании лежит скрытая родительская ревность к успехам ребенка. Поэтому на ребенка обрушивается непрерывный поток явных и скрытых посланий. Он будет постоянно ощущать на себе родительский гнев и негодование, мучительно страдая от ссор и совершаемых с ним манипуляций. Но хуже всего наши бессознательные ожидания того, что ребенок сделает нас счастливыми, наполнит нашу жизнь и возвысит нас в наших собственных глазах.

Когда мы оказываемся на подступе к Перевалу, наши дети уже достигают подросткового возраста, становятся прыщавыми, угрюмыми, своенравными и, как правило, такими же нетерпимыми, какими мы сами были по отношению к своим родителям, – и яростно сбрасывают с себя наши проекции. Если мы сможем представить, какими сложными и опасными препятствиями на пути этих подростков к достижению их личностной целостности становятся родительские комплексы, то поймем, насколько они правы, когда сопротивляются требованиям родителей стать их продолжением. Тем не менее, расхождение между родительскими ожиданиями и трениями в реальной семейной жизни по-прежнему вызывает боль у тех, кто оказался на Перевале. Разочарование может стать чуть меньше, если человек вспомнит то, что, по его мнению, должны были бы знать его родители: что ребенок только проходит через наше тело и нашу жизнь, а затем идет своим собственным путем к таинству собственной жизни. Если родитель,

¹⁸ См.: Sam Kean and Anne Valley-Fox, *Your Mystic Journey*, p. 26.

¹⁹ Mark, 10: 7–8.

который находится в среднем возрасте, сможет это принять, он сумеет устранить противоречия своей родительской роли.

Фрейд был уверен в том, что работа и любовь – главные составляющие психического здоровья любого человека. Наша работа предоставляет очень много возможностей и для поиска смысла, и для его отрицания. Если, как утверждает Тора, написанная много лет тому назад²⁰, большинство людей пребывают в тихой безысходности, то имеется, по крайней мере, одна причина того, почему многие люди ощущают унизительность и бессмысленность работы. Даже люди, достигшие того служебного положения, о котором они мечтали, часто будут испытывать страдание и беспокойство. Я был знаком с очень многими студентами, которые становились менеджерами или программистами, так как этого, видимо, требовали от них родители или то аморфное общество, которое заменяло им родителей. Но такая карьера часто наводила тоску и на тех, кто получил то, что хотел сам, и на тех, кому пришлось удовлетворять желания кого-то другого. В этом нет ничего удивительного, ибо каждый честолюбец, взбирающийся по карьерной лестнице, – это перегоревший исполнитель, который жаждет совершенно иной жизни.

Карьера человека, так же как его брак и статус родителя, является основным средством для проекции: 1) идентичности, которая, как считается, подтверждается опытом работы и квалификацией; 2) заботы, которая заключается в том, что человек будет накормлен, если он будет продуктивным; 3) трансценденции, которая заключается в том, что человек преодолеет душевную пустоту, если будет постоянно добиваться успеха. Если исчезают эти проекции и у человека появляется неудовлетворенность тем, как он тратит свои жизненные силы, – значит, он оказался на Перевале.

Чем более традиционен брак, тем более жесткими являются гендерные роли и тем более вероятно, что у партнеров появится ощущение, что их тянет в разные стороны. Он, наконец, оказался на вершине, и все, что он смог оттуда увидеть, – это корпоративную стоянку машин. И ему хочется сбавить скорость или вообще уволиться. Она, целиком посвятив себя семейной жизни, чувствует, что ее обманули и не оценили по достоинству, хочет пойти учиться или найти новую работу. В среднем возрасте у мужчины проблемы работы часто вызывают депрессию, крушение надежд и потерю амбиций. Женщины, начинающие трудовой путь, часто испытывают тревогу, связанную с уровнем своей компетентности и конкурентоспособности. Повторяю: в этой новой жизни есть свои положительные и отрицательные моменты. Отрицательный момент заключается в том, что каждый измучен множеством спроецированных идентичностей и при этом надеется начать все сначала. Положительный момент заключается в том, что такая неудовлетворенность может дать толчок настоящему обновлению человека, и тогда окружающие увидят еще одну грань его индивидуальных возможностей. Еще одно грустное обстоятельство связано с тем, что одни проекции сменяются другими. Но даже если это и так, человек все же приближается к своей самости. Если кто-то из супругов чувствует, что эти изменения ему угрожают, и сопротивляется им, он может быть совершенно уверен, что впоследствии ему придется жить с раздраженным партнером, подверженным приступам депрессии. В горниле супружества перемены не ведут к неизбежным улучшениям, но они неизбежны. Иначе брак просто распадается, в особенности, если он тормозит личностный рост кого-то из супругов.

Еще одна проекция, которую следует устранить в среднем возрасте, связана с восприятием роли родителя как символического защитника. Обычно при наступлении у человека среднего возраста энергетические ресурсы его родителей заметно снижаются или совсем истощаются. Даже при конфликтных или эмоционально холодных отношениях с родителями все равно их присутствие ощущается символически как невидимый психологический барьер. Пока жив родительский образ, жив и психический буфер, защищающий человека от непостижимой и страшной вселенной. При исчезновении этого буфера человек испытывает приступ экзистен-

²⁰ *The Best of Walden and Civil Disobedience*, p. 15.

циального страха. Одна клиентка, только-только перешагнувшая сорокалетний рубеж, испытала панику, когда ее престарелые родители решили мирно развестись. Она знала, что их брак никогда не был стабильным, но он по-прежнему служил ей невидимой защитой от этой огромной вселенной. И хотя родители находились уже на пороге смерти, их развод пошатнул эту невидимую защиту – еще один мотив, заставляющий человека в среднем возрасте почувствовать себя покинутым и совершенно одиноким.

Хотя есть много других разновидностей проекций, которым не удастся сохраниться на стадии первой взрослости, чаще всего происходит потеря ложных ожиданий, связанных с браком, детьми, карьерой и образом родителя-защитника.

В своей книге «Проекция и возврат к целостности в юнгианской психологии» Мария-Луиза фон Франц выделяет пять стадий, типичных для процесса проецирования²¹. На первой стадии человек убежден в том, что его внутреннее (то есть бессознательное) ощущение на самом деле локализовано вовне. На второй стадии происходит постепенное признание различий между реальностью и спроецированным образом (например, у человека заканчивается состояние влюбленности). На третьей стадии он должен признать, что эта разница действительно существует. На четвертой ему приходится согласиться с тем, что он где-то изначально совершил ошибку. И, наконец, на пятой стадии он должен внутри самого себя найти источник проецируемой энергии. Эта последняя стадия, поиск источника проекции, всегда включает в себя процесс углубления самопознания.

Ослабление проекций, а также исчезновение воплощенных в них надежд и ожиданий – это всегда чрезвычайно болезненный процесс. Но он обязательно должен предшествовать самопознанию. Потеря надежды на спасение, которое придет извне, дает нам шанс самим поучаствовать в собственном спасении. У каждого внутреннего ребенка, который съезжился от страха и ищет спасения от мира взрослых, есть взрослый, который в принципе готов нести за него ответственность. Постепенно осознав содержание проекций, человек совершает огромный шаг в направлении выхода из детского состояния.

²¹ *Projection and Re-Collection in Jungian Psychology*, p. 9ff.

Изменения в ощущении собственного тела и в переживании времени

Основная установка, характерная для стадии первой взрослости, связана с проецированием чувства юношеского всемогущества на неопределенное будущее. Когда всю бурлит энергия, довольно легко упустить из внимания важное событие. Возможно, человек этой ночью плохо выспался. Потом ему кажется, что он чувствует себя так, как обычно, но делает все гораздо медленнее. Затем появляется постоянное легкое недомогание и незначительное напряжение.

Молодые люди обычно воспринимают свое здоровое тело как непреложную данность. По их мнению, оно должно служить им и защищать, а если нужно, его можно подвергнуть тяжелым испытаниям, но при этом организм всегда должен сам восстанавливаться. Но приходит время, когда человек начинает осознавать, что существуют неизбежные изменения, которые происходят помимо его воли. Тогда тело становится врагом, ненавистным противником в той героической драме, в которой нам суждено исполнять свои роли. Сердце по-прежнему продолжает надеяться, но тело уже не откликается на эти надежды так, как это было раньше. Именно этот диссонанс проявляется в жалобе Йетса: «Выньте мое сердце, больное желанием, / и вложите его умирающему зверю»²². Если раньше сердце было верным слугой Эго, то теперь оно становится его непримиримым оппонентом; человек чувствует, что находится в плену у своего тела. Как бы высоко ни стремился воспарить дух, «очевидность тела»²³, как выразился Альфред Норт Уайтхед, зовет человека вернуться на землю.

Такой же ловушкой оказалось и время, казавшееся сценой для постановки бесконечной пьесы или безмерным, далеким и постоянно светлым пространством. Резкий сдвиг в психике, внезапный переворот в сознании заставляют человека признать, что он не только смертен и жизнь его обязательно закончится, но он даже не сможет завершить все, чего так страстно желало и к чему так настойчиво стремилось его сердце. «Только отчасти, и никогда полностью», – к такому выводу пришел мой друг. Изящное тело, склеп; бесконечное лето, наступление мрака – именно это ощущение конечности и незавершенности приводит к окончанию первой взрослости. Дилан Томас описал этот переход в прекрасных строках, которые невозможно забыть:

²² *The Collected Poems of W.B. Yeats*, p. 191.

²³ *Nature and Life*, p. 126.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.